

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

ИСТОРИЯ

МИР ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОМ ОСВЕЩЕНИИ

*Сборник научных статей
к 75-летию со дня рождения
профессора Э. Д. Фролова*

Под редакцией профессора А. Ю. Дворниченко

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2008

М. А. Морозов

**Мировоззрение пограничной военной знати
Византийской империи в XI в.
на примере Катакалона Кекавмена
и Григория Пакуриана**

В последнее время в историографии все чаще говорится о сложности структуры византийской социальной элиты. Ставится вопрос о региональной специфике социальных связей. В связи с этим приобретает все большую остроту проблема военной знати византийской пограничной зоны. Еще в 1971 г. на Международном византийском конгрессе в Бухаресте был сделан ряд докладов о социальной структуре византийского пограничья.¹ Вслед за тем византинисты стали более подробно изучать роль пограничной знати в социальной структуре империи и ее инкорпорацию в византийский нобилитет. В связи с этим отметим, прежде всего, работы А. П. Каждана об армянской и славянской знати в XI–XII вв.² В дальнейшем он

¹ *Удальцова З. В., Каждан А. П., Бартикян Р. М.* Социальная структура восточных границ Византийской империи в IX–XII вв. // XIVe Congrès intern. des ét. byz. Rapports. Bucarest, 1971. Т. I. P. 21–26. *Oikonomides N.* L'organisation de la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles et la Tacticon s Escorial // XIVe Congrès intern. des ét. byz. . . Т. I. P. 285–302; *Ibid.* j epopee de Digenis et la frontière orientale de Byzance aux Xe–XIe siècles // Travaux et Memoires. 1976. Т. 6. P. 375–397; *Ahrweiler H.* La frontière et frontières de Byzance en Orient // XIVe Congrès intern. des ét. byz. . . Т. I. P. 209–230; *Haldon J. F., Kennedy H.* The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // Сборник Радова Византологического Института. 1980. Т. 19. С. 79–116.

² *Каждан А. П.* Славяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. // Славяне и Россия. К 70-летию со дня рождения С. А. Никитина. М., 1972; Он же. Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ереван, 1975.

усомнился в правильности трактовки социальной истории Византийской империи как противостояния столичной и провинциальной знати. Последнюю он также не склонен представлять в качестве однородной группы, выделяя в ней несколько пластов, в том числе семьи, тесно связанные с византийским пограничьем.³ Позднее проблема вливания провинциальных знатных семейств в византийский нобилитет была также отражена в оксфордском сборнике статей, посвященном византийской аристократии IX–XIII вв., в котором ряд авторов поставили вопрос об особом мировоззрении этой категории служилой знати.⁴ Наконец, Ж. Дагрон рассмотрел особые формы взаимоотношений между этническими группами восточного пограничья, которые сформировали особую «приграничную» культуру.⁵ В свое время я попытался показать процесс вхождения знатных семейств, происходящих из византийских пограничных регионов, в высший слой знати в конце X — первой половине XI в.⁶

В рамках этих исследований целесообразно рассмотреть роль провинциальной военной знати, связанной с пограничной средой, в социальной элите византийского общества в период формирования комниновского клана, в связи с чем я попытаюсь ответить на вопрос о влиянии мировоззрения пограничной знати на социальную политику, проводившуюся впоследствии Комнинами. Мои изыскания будут основываться, прежде всего, на двух исторических документах данной эпохи, которые так или иначе связаны с той социальной средой, о которой будет идти речь. Это трактат, условно названный «Советы и рассказы» Кекавмена, и устав Петриционского монастыря, основанного domestиком схол Григорием Пакурианом.

«Советы и рассказы» были написаны в 70-х годах XI в.⁷ Их автором являлся Катакалон Кекавмен, бывший военный, который к

³ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии в XI–XII вв. Москва, 1974.

⁴ *The Byzantine aristocracy IX to XIII centuries / Ed. by M. Angold.* Oxford, 1984.

⁵ *Dagron G.* Byzance et le modèle islamique au Xe siècle: a propos des constitutions tactiques de l'empereur Léon VI // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres.* Paris, 1983. P. 219–243.

⁶ *Морозов М. А.* К вопросу о складывании «новой» военной знати в Византии в конце X — начале XI вв. // *Византийское государство в IV–XV вв.* Центр и периферия. Барнаул, 1998.

⁷ Я пользуюсь изданием: *Советы и рассказы Кекавмена. Сочинение византийского полководца XI в. / Подготовка текста, введ., пер. и комм. Г. Г. Литаврина.* М., 1972. (далее в тексте: Кекаум.)

моменту написания своего труда находился в отставке и получал доходы со своего поместья. Сведения о нем мы черпаем исключительно из его собственного устава, и отношение нашего автора к другим Кекавменам (включая военачальника середины XI в. Катакалона Кекавмена) не может быть точно установлено. Пять из шести известных родственников автора, служебные должности которых определены достаточно точно или более-менее вероятно, являлись военачальниками, а двое, возможно, занимали гражданские посты.⁸ Основные эпизоды, рассказанные Кекавменом, посвящены военным делам на западной и восточной границах, и он передает очень мало сведений о Константинополе. На основе этого можно сделать вывод о его принадлежности к военной пограничной знати. Сам трактат разделен на шесть частей и имеет форму советов отца к своим сыновьям.

Устав Петриционского монастыря был написан основавшим его византийским полководцем Григорием Пакурианом в 1093 г.⁹ Сам Пакуриан происходил из знатной армянской семьи, которая в середине XI в. оказалась на византийской службе. Григорий выслужился на различных военных постах на восточной границе, и при Алексее I занял высший военный пост в империи — доместика схол запада. На протяжении своей служебной карьеры он и члены его семьи получал от императоров различные милости, в том числе земельные пожалования во Фракии, которые он в дальнейшем передал основанному монастырю.

Прежде чем перейти к пограничной знати, необходимо сказать несколько слов о том, что представляло собой в рассматриваемый период византийское пограничье.¹⁰ Пограничная территория как на Востоке, так и на Западе империи формировалась постепенно

⁸ Lemerle P. Prolégomènes à une édition critique et commentée des « Conseils et récéls » de Kékauménos. Bruxelles. 1960. P. 23, 41.

⁹ Новое издание устава: Le Typikon du sebasto Gregoire Pakourianos / Ed. par P. Gautier // Revue des Études Byzantines. 1984. Т. 42. P. 5-143. (далее в тексте: Расоур.); См. также: Арутюнова-Фиданян В. А. Типик Григория Пакуриана. Ереван, 1978.

¹⁰ О военно-административных реформах в X–XI вв. на византийских границах и об административной организации пограничных территорий см.: *Oikonomides N. L'organisation de la frontiere orientale*. . . P. 285–302; *Oikonomides N. Les listes de preseance a Byzance*. Paris, 1974. *Ahrweiler H. La frontiere et frontiers*. . . P. 218–223; *Ahrweiler H. Recherches sur l'administration de l'Empire byzantin aux IX–XI siècles* // *Bylletin de Correspondance Hellenique*. Т. 94. 1960. P. 46–52.

и не являлась устойчивой. Это было связано с постоянным изменением линии границ империи в ходе оставления и обратного отвоевания византийцами отдельных областей. На Востоке это было связано с противостоянием с мусульманами в районе Армении и восточных фем Малой Азии, а на западе — с перманентными войнами с Первым Болгарским царством за гегемонию на Балканах. В X в. Византия переходит на востоке к планомерному завоеванию территорий Армении, и к середине XI в. граница отодвигается далеко к Евфрату. В новозавоеванных областях была создана новая система обороны, которая и стала основой для организации пограничной территории. Первый эшелон составляли так называемые «акритские» или малые фемы во главе со стратигом, резиденция которого находилась в крепости. Задачей таких стратигов становится защита имеющимися в их распоряжении местными войсками вверенной им территории до подхода основных сил из центральных фем. Далее шли полунезависимые территории во главе с армянскими или арабскими правителями, которые в византийских источниках назывались топархами. Их задачей становилось имеющими у них силами помогать византийцам в обороне восточной границы. Такая же ситуация складывается на западе к моменту войн императора Василия II с болгарским царем Самуилом. В этих областях и начинают свою военную деятельность представители пограничной знати Катакалон Кекавмен и Григорий Пакуриан. Именно здесь формируется их мировоззрение и именно здесь они начинают свою военную карьеру.

Основой жизнедеятельности Кекавмена является его семья и домашнее хозяйство. Дом Кекавмена — это малая семья. Для него само собой разумеется, что взрослые сыновья строят свои собственные дома и становятся независимыми от своих родителей. При разговоре о репутации его семейства, он большой акцент делает на достоинство родителей, чем отдаленных предков (Кекаум. 226.24f): «Стремись своими добродетельными поступками принести почет и славу своим родителям». Соседи, хвалящие Кекавмена, также обращаются к памяти его отца (Кекаум. 198.25f): «Твой отец был такой справедливеец, что и доньше похвалы его имени на устах у всех». Кекавмен не разделяет менталитет современников и позднейших византийских аристократов, которые гордятся своим благородным рождением и происхождением, однако упоминает о военной карьере своих дедов Никулицы Дельфина, дукса Эллады, и Димитрия По-

лемарха, военачальника болгарского царя Самуила, который перешел на византийскую службу после захвата Болгарии Василием II. Он советует своим сыновьям не забывать родственников (Keкаuш. 208.22f, 222.32), но отдаленные связи не упомянуты. Его осознание фамилии ограничено и вертикально и горизонтально, и поэтому он изображает малую семью, дом и домашнее хозяйство которой было еще в стадии формирования. Григорий Пакуриан также гордится своими родственниками и блестящим происхождением. Во вступлении к уставу он говорит о своем отце «архонте архонтов» и о своем брате магистре Апасии (Pасouг. Pref. 2.). На протяжении всего устава мы встречаем постоянные упоминания о чувствах привязанности Григория к своему брату Апасию (Pасouг. II. 9) и своим родственникам, некоторых из них он лично воспитал и взрастил.

Третья часть «Советов» Кекавмена начинается следующим образом (Keкаuш. 188.20–25): «Если ты ведешь частную жизнь в своем доме и ничего не исполняешь, неси обязанности по дому твоему, благодаря которым он будет содержаться в достатке, и не будь беззаботен в этом. Ведь у тебя нет другого дохода для жизни, кроме как от возделывания земли. Сделай себе автургии, как то: мельницы, эргастии, сады и все, что приносит тебе ежегодный доход от аренды и в виде плодов». По мнению Кекавмена, частная жизнь человека должна быть основана на его собственном «доме» (oikos), и, управляя домашним хозяйством должным образом, он может поддерживать нормальную жизнь своей семьи, даже не занимая официального государственного поста. Поскольку третья часть посвящена советам Кекавмена в области частной жизни, она соответствует жанру ойкономики, тому типу дидактической литературы по управлению домашним хозяйством, который процветал с эпохи Древней Греции до раннего нового времени. Кекавмен при этом часто ссылается на Книгу Иисуса Сираха, которая являет собой другой пример советов отца своему сыну.

Третья часть Стратегикона также включает полезную информацию об организации такого хозяйства в конце XI в. «Забейся прежде всего о необходимом для твоего дома и лишь потом — об излишнем. . . Пока ты беден, не принимайся за строительство [то есть в период пребывания в доме своих родителей]... Лучше насаждай виноградники и возделывай землю, которая даст тебе свои плоды, и ты без печали будешь питаться ими. Когда же ты будешь иметь в избытке все это, начинай строить [дом]». Так как он расце-

нивает земледелие как самую важную часть в ведении домашнего хозяйства, то он рекомендует следить в первую очередь за сельхозугодиями, садами, мельницами и эргастириями, и за размножением рогатого скота, свиней, овец и других животных, обеспечивать свой дом зерном, вином, и мясом. Глава дома у Кекавмена лично контролирует сельскохозяйственную работу. «Дом» Кекавмена должен быть самостоятельным. Подобно другим домохозяевам, Кекавмен отрицательно относится к торговле. Именно домашнее хозяйство, правильным образом организованное, является основой для хорошей жизни. Поэтому семья и хозяйственная деятельность тесным образом связаны между собой. Сам термин «oikos» означает и совокупность семьи, и семейную собственность.

То же самое мы находим и у Григория Пакуриана, который организовал управление своими имениями через своих родственников. Григорий рассказывает о своем брате Апасии, который и был управляющим этим имуществом в то время, как сам будущий ктитор исполнял должность дуки Феодосиополя на Востоке. «Я не получил обратно моих денег и средств, которые он имел на своем попечении, из которых часть он получил непосредственно из моих рук, а часть — другим путем: когда я был назначен дукой Феодосиополя и выехал на Восток, он по моей просьбе осуществлял пронию и управление всех моих имений. Он собирал с них доходы в свою пользу за все годы, что я служил на Востоке» (Pacour 41. 374–378). Отсюда стремление принимать в монастырь его родственников и «наших людей», связанных с семьей Григория Пакуриана: «Если какие-либо наши родственники, близкие нам по крови, удостоенные сана и живущие монашеской жизнью... , влиятельны... , то мы считаем необходимым и выгодным предпочесть их чужакам и людям извне» (Pacour. XXV. 1–2).

Однако «дома» Кекавмена и Пакуриана выходили за границы дома и семейства. Григорий Пакуриан свидетельствует о своих тяжбах с митрополитом Филиппополя, с византийской администрацией (Pacour. III. 2-3). Определенные отношения существовали между домом Кекавмена и внешним миром, то есть с другими домашними хозяйствами, местным сообществом, и государственной администрацией. В третьей части «Советов» слово «друг» (philos) часто встречается в качестве антонима терминам «раб» или «те, кто служит тебе». Таким образом, «друзья», включая владельцев других домашних хозяйств, выступают в качестве своеобразной оп-

позиции семейству домовладыки. Несмотря на некоторые советы сыновьям о важности дружбы, Кекавмен тут же осторожно предупреждает о ее опасностях: «Если у тебя есть друг, живущий в другом месте, и если он проезжает через город, в котором ты живешь, не помещай его в своем доме» (Кекаум. 202.12–21); «Не поручайся ни за кого, так как многие, поручившись, попали в беду. Даже если это твой близкий друг, не поручайся за него» (Кекаум. 218.17). Из-за серьезного беспокойства по поводу безопасности дома автор предостерегает против посторонних людей. В отношении них рекомендации особенно строгие. Это обстоятельство, наряду с критикой в адрес торговой деятельности, проясняет стремление Кекавмена сделать свое поместье автономным и самостоятельным, как в отношении хозяйственной сферы, так и в социальном плане.

В этой связи интересны рекомендации Катакалона Кекавмена относительно взаимоотношений с провинциальной администрацией. Глава дома, не должен вовлекаться в дела наместника: «Если есть в местности верховный глава, являйся к нему, но не часто. Приходи к нему изредка, говори подумав, что надо, а если не спрашивает, молчи» (Кекаум. 198.15ff). В советах своим сыновьям не иметь особенно тесных связей с наместником, Кекавмен подразумевает, что отношения между правителем провинции и главами частных домов были все более тесными, и в данном процессе местные власти будут играть большую роль. «Если кто-либо затеет мятеж и провозгласит себя василевсом, не вступай в сговор с ним, но держись в стороне от него. Если ты можешь воевать против него и совершить на него нападение, то войди за василевса и всеобщий мир. А если не можешь, то ..., заняв какое-нибудь укрепление со своими людьми, пиши василевсу и старайся, сколько в твоих силах, исполнять службу по отношению к нему... Если у тебя нет людей, чтобы захватить укрепление, брось все и беги к василевсу. А если случится так, что ты не осмелишься бежать из-за своей семьи, присоединись к мятежнику, но помыслами останься с василевсом и, когда сможешь, соверши достохвальное дело» (Кекаум. 248.13–23). В этом пассаже Кекавмен настаивает на лояльности по отношению к императору; но здесь также можно усмотреть значение довольно близких отношений между провинциальным наместником и хозяином дома, при условии, что большинство провинциальных мятежей в этот период возглавлялись военачальниками фем-

ных властей. Фраза «из-за своей семьи» также может обозначать личные связи, хотя неясно, является ли она ссылкой на брачные или родственные связи хозяина, удерживаемого во дворце наместника.

Как же Кекавмен смотрел на отношения между частными домами и императорскими администраторами и должностными лицами? Его идеал частного хозяйства, «совершенного дома», — это автономная, экономически самостоятельная единица под властью главы семьи, патриарха. Кекавмен следовал традиции икономии *oikonomia*, заключавшейся в том, что все домашние должны быть заняты в сельском хозяйстве и избегать в максимально возможной степени денежной экономики, то есть торговли и ростовщичества. Исключением из этого воззрения выступают его пространственные замечания о императорских административных постах и достоинствах, которые подобно торговле и ростовщичеству были несельскохозяйственными источниками дохода. Это отклонение от принципов икономии отражает особый характер византийского мира.

Кекавмен отмечает, что местное население надеялось на главу дома, как на выразителя их интересов перед областными начальниками. Кекавмен признавал (Кекаум. 200.17-20), что глава дома, как представитель интересов сообщества, не мог избежать отношений с местным населением. Как фактического руководителя сообщества в случаях плохого управления со стороны местных властей, главу дома называли *authentēs* («господин» Кекаум. 198.20), но его роль социального лидера в регионе развивается еще дальше. К примеру, местный начальник мог предоставить главе дома, при назначении экстраординарных налогов на город, право их раскладки среди жителей (Кекаум. 200.27ff). Здесь также он функционировал в качестве их 'главы'. Судебное полномочие главы также простиралось вовне его собственного *oikos* на сообщество: «Заклинаю тебя, если ты ведешь частную жизнь и народ области подчиняется тебе.... Одних ты карай и наказывай сам, а что касается других, то, приведя их, собери народ, поведай им о провинности и скажи: “Судите их!”». Это демонстрирует, что глава дома был посредником между наместником провинции и местным сообществом. Однако его власть и влияние в местном обществе зависели не от исполняемой должности, а от экономических и социальных возможностей его дома. Сын, наследующий дом своего отца, также наследует его положение в сообществе.

Кекавмен предостерегает своих сыновей с одной стороны от возмущения против «господина» и лести в его адрес: противиться представителю власти было опасно, и распределение государственных налогов могло привести к неудовольствию со стороны местного сообщества. Из-за большого влияния на местах, главы домов также принимались во внимание наместниками провинций. Несмотря на случайные столкновения, отношения между ними становились все более и более близкими, включая приглашение глав домов на обед, стремясь в дальнейшем получить их поддержку. С другой стороны, они обеспечивали наместника и его людей продовольствием, что рассматривалось в качестве частных даров в надежде на получение должности (Кекауш. 198.17ff). «Не покупай должность посредством даров», предупреждает Кекавмен (Кекауш. 236.24-238.5); «Некоторые, не имея чести от Бога, а от василевса — должности, стараются с помощью денег и подарков местному архонту получить место». Таким образом, главы домов вступали в близкие отношения с местным начальником и приобретали посты в фемной администрации и достоинства через его посредничество.

Если провинциальные наместники желали развивать эти связи по соображениям административного и военного воздействия на неустойчивое пограничное общество, то главы домов искали расположения администраторов через местные службы и семейные связи для поддержки их нестабильных домашних хозяйств и расширения их влияния вне поместья.¹¹ Правительственные должности были не только признаком политической значимости и социального статуса его обладателя, но и обеспечивали его средством быстрого накопления дохода. В период финансовых трудностей империи в XI в. императорские чиновные должности и ранги в значительной степени продавались. Состоятельный человек вкладывал деньги в должности, особенно потенциально прибыльной являлась должность налогового сборщика. Иоанн Майос, родственник Кекавмена, пробовал получить должность провинциального налогового сборщика, утверждая, что «Все эти дома построены благодаря службам фиска» (Кекауш. 196.6f). Аналогично главу дома убеждали его жена и друзья «получить хотя бы службу заместителя, архонтию, или василика нашего округа, и ты получишь возможность позаботиться

¹¹ Kazhdan A. Малые социальные группы (микроструктуры) в византийском обществе // XVI. Intern. Byzantinistenkongress, Akten. Bd. 2 // Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik. 1982. Bd. 2. S. 3–11.

о себе, и о своем доме, и о своих людях» (Кекаум. 196. 19-22). Григорий Пакуриан, более знатный представитель пограничной элиты, также нес службу империи. Он постоянно на страницах своего устава говорит о службе его и его родственников «ромейской державе». «Если я скажу, что редко кто-либо из служащих. . . умер естественной смертью на собственном ложе, я не солгу. Ибо все они погибли от меча и руки врагов святого креста и Романии». «Я не щадил ни своей крови, ни бывших со мной родственников. . . ради могущества царственной державы, ради защиты ромейского господства» (Расоиг. II. 4).

Придворные звания также составляли своего рода «национальный доход». За установленную сумму, уплаченную в казначейство, такой человек получал придворный титул и соответствующую ежегодную пенсию: стоимость достоинства соответствующая вкладу, ежегодная пенсия по проценту. Таким образом, правительство стало огромным механизмом для перераспределения богатства и источником прибыли для его членов. Поэтому административные должности и придворные достоинства были привлекательны для представителей пограничной знати и в экономическом смысле.

Скрытое намерение, проходящее в совете Кекавмена, заключается в том, чтобы избежать близкого контакта с провинциальными властями и в то же время развивать семейные связи в среде региональной знати и провинциального чиновничества. Это, по моему мнению, может являться важным этапом на пути к консолидации в рамках византийской пограничной провинциальной элиты. Впоследствии, в период Алексея I Комнина, эти связи распространились по всей империи, так как многие аристократические семьи соединились узами брака, обеспечивая основание для появления византийской аристократии как социальной группы.

Взгляды Кекавмена и Пакуриана как представителей пограничной элиты на императора также заслуживают некоторых замечаний, поскольку они несут в себе также черты противоречия. Хотя автор «Советов» и являлся провинциалом, но все же имел представление об императорской идеологии, распространяемой придворными риторам и юристами: император — это образ Бога и его власть не ограничена законом. «Поэтому заклинаю вас, дети мои желанные, которых дал мне Господь, оставайтесь на стороне василевса и на службе у него, так как сидящий в Константинополе василевс всегда побеждает» (Кекаум. 268.10-13). Но в то же время импе-

раторская идеология совсем не впечатляла Кекамена: он знал о конкретных фактах жизни императоров, поскольку в «Советах» указывал на свержение Михаила V в период своего пребывания в столице (Кекаум. 288.27-290.1). Кекамен естественно трепещет перед императором и страшится обвинения в нелояльности. Но хотя он советует добросовестно служить императору, все же при этом отвергает представление о всеильном императоре как образе Бога. Определенная критика традиционной византийской идеологии появляется среди некоторых замечаний об императоре в третьей части, где между прочим говорится о тщетном искушении императором жены одного знатного человека (Кекаум. 204.13-17). Начало пятой части («Советы Василевсу», Кекаум. 274.1-7) очень показательно: «Когда некоторые заявляют, что василевс не подчинен закону, но сам является законом, и я говорю то же самое. Однако пока во всех своих действиях и законоположениях он поступает хорошо, мы повинемся ему. А если он сказал бы: «пей яд», ты, конечно, не сделал бы этого. Или, если бы он сказал: «Войди в море и пересеки его вплавь», но ты не сможешь и этого исполнить. Поэтому знай, что василевс как человек подвластен законам благочестия». Григорий Пакуриан благодарен василевсам за их благоволение к нему и верно служит им. Но в то же время нельзя говорить о «вдохновенной любви к империи» с его стороны. Он запрещает принимать в свой монастырь греческих священников и монахов и нелесно отзывается о ромеях как о насильниках, корыстолюбцах и пустословах, могущих нанести вред монастырю.

Аналогично в своих «Советах к топарху» (Кекаум. 298.18-21) Кекамен демонстрирует свое представление об отношениях между правителем подчиненной пограничной области и имперской властью: «Если ты имеешь в своей стране крепости или деревни, если в них ты топарх и повелитель, то не позволяй себе мечтать о богатстве, или о чинах, или о великих обещаниях василевсов, не отдавай своей страны василевсу. . . Напротив, держись за свою страну, хотя бы она была мала и незначительна, так как лучше для тебя, как сам себе господин являешься другом василевса, а не как раб или слуга». Григорий Пакуриан на страницах своего устава также говорит о своих родственниках — топархах восточных земель, и прежде всего с гордостью упоминает, что его отец был независимым «архонтом архонтов» (Раскур. Pref. 2). Он говорит также о своем зяте Ахсартане, «топархе» некоей крепости (Раскур. II. 7).

Те, кто продает свой дом, чтобы купить титул, не смотря на свое возвышение в статусе, становились не более, чем «рабом императора». Хотя в традиционной византийской идеологии данная фраза определяла привилегированный статус, Кекавмен все же выступал против, или был, по крайней мере, безразличен к этой идеологии. Он отговаривает своих сыновей от поисков высокого ранга, предпочитая быть «другом императора», а не его «рабом».

Статус «друга императора» неизбежно влек за собой сохранение «дома». Несмотря на неустойчивость домашней экономики, *oikos* позволял главе дома оставаться, в некотором смысле, на равных с императором. Как знал Кекавмен, император подавлял у неповинующихся аристократов способность к сопротивлению, конфискуя их владения. Поэтому он призывал его сыновей удерживать земельные владения в своих руках и никогда добровольно не передавать их императору.

Кекавмен по всей вероятности также возражал против чрезмерного вмешательства императоров в частную жизнь поместья. В пятой части («Советы василевсу») он вносит в список четыре традиционных императорских добродетели: сила духа (*andreia* [*psychike*]), правосудие (*dikaioyne*), целомудрие (*sophrosyne*), и мудрость (*phronesis*), при этом он подчеркивает целомудрие и правосудие как неприменимые ко греху.

Таким образом, Кекавмен почитал и повиновался императорам, но пока они не посягали на его частное хозяйство. Это может быть связано с расположением домашнего хозяйства Кекавмена в отдаленных пограничных регионах. И все же отчужденность по отношению к императору также является следствием его миропонимания как представителя пограничного общества. Известный пассаж Симеона Нового Богослова дает соответствующий контраст по отношению к точке зрения Кекавмена: «Кого мы называем истинными слугами земного царя? Тех, кто живет в своем собственном доме, или тех, кто следует за ним повсюду?... Не является ли очевидным, что последние, а не первые, это слуги земного царя?».

Итак, Кекавмен говорит своим сыновьям, что «дом», как независимая и самостоятельная «социальная единица», не должен иметь крепких связей с внешним миром. В этом закрытом микромире Кекавмен чувствует себя спокойно, и благодаря этому преимуществу он может чтить императора на расстоянии. Но внешние связи все же были неизбежны: и провинциальный наместник и местные жи-

тели желали видеть в хозяине дома местного главу, и многие, охотно или неохотно, оправдывали это ожидание. Также Кекавмен не мог быть равнодушен к императорским должностям и титулам, хотя он естественно видел в них только дополнительную поддержку в жизни *oikos*. Наш автор говорит о лояльности василевсу. Он имеет надежду получить некий чин. Но в целом третья часть Стратегикона показывает нам, что связь между хозяином поместья и императором не является обязательной для такого частного «дома», и по мнению Кекавмена император не должен в этом злоупотреблять своей властью. Двойственное отношение автора Стратегикона к императору таким образом отражает двойственный характер его собственного «дома»; но более существенным является предположение Кекавмена, что можно жить спокойной жизнью и без постоянного вмешательства императора благодаря надлежащему управлению домашним хозяйством. То же самое мы видим и в отношении имения Григория Пакуриана, которое было передано основанному Петриционскому монастырю. Он также позиционирует монастырь как независимое ни от светских и духовных администраций, ни от частных лиц имущество.